ных советов народных депутатов была прекращена, а их функции возложены на соответствующие местные администрации[17].

По строительным нормативам, действовавшим в то время, закрытые города Урала относились к числу средних городов, однако специфика производств, ради которых эти города были созданы, определяла ряд исключений из правил функционирования типично среднестатистических городов, в частности, федеральное подчинение. Поэтому основные вопросы финансирования, материального обеспечения решались непосредственно в столице, а не в областных центрах. Меньшая степень иерархической подчиненности, безусловная привилегированность обеспечивали определенную рациональность в деятельности органов власти закрытых городов.

Примечания

[1] Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Новоуральск, 1999. С. 304–306.
[2] Фактически город не имел официального статуса. Такой статус ему был установлен Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 марта 1954 г.
[3] Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Указ. соч. С. 338.
[4] Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954 гг. М.–Саров, 2007. Кн. 7. С. 413.
[5] Там же.
[6] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 5673. Оп.1. Д. 10. Л. 85–86.
[7] Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-1137. Оп. 1. Д. 64. Л. 236.
[8] ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 82.
[9] Государственный архив (ГА) города Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
[10] ОГАЧО. Ф. П-1137. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–2; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 98–101; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 4. Л. 211–215; Ф. 657. Оп. 1. Д. 229. Л. 10–11; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 4. Л. 102, 113–117.
[11] ЦДООСО. Ф. 1442. Оп. 1. Д. 4. Л. 100.
[12] ГА города Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 31–36.
[13] ГА города Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 97–98.
[14] Кузнецов В.Н. Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала. Первое десятилетие. Екатеринбург, 2003. С. 98–99.
[15] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 31. Ст. 654.
[16] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1979 г. № 32. Ст. 386.
[17] Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1993. 1 нояб. № 44. Ст. 4188.

Т.Г. Мосунова
(Екатеринбург)

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ: ОТ РОЖДЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ К СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

На рубеже XX–XXI вв. актуализировалась проблема гармонизации межэтнических отношений. Мировую общественность тревожат рост экстремизма, агрессивности, расширение зон конфликтов и конфликтных ситуаций.

Исторический опыт России свидетельствует, что необходимым элементом государственной стабильности является оптимальное решение этнонационального вопроса, осуществление гибкой политики. В государстве с полиэтничным населением, уникальным разнообразием социально-экономических, культурных, экологических и других условий жизни на обширном евразийском пространстве «национальный вопрос»[1] не может занимать второстепенное место. На протяжении XX столетия эти проблемы требовали к себе постоянного внимания сменявших друг друга режимов.

Предельной остроты национальный вопрос достигал, как правило, в наиболее критические моменты российской истории, когда происходило крушение той или иной власти. Так, крах самодержавия в феврале 1917 г. вызвал цепную реакцию распада единой и неделимой Российской империи. Ликвидация социалистической системы в начале 1990-х гг. привела к распаду СССР. Сепаратистские тенденции, активизация националистических движений обуславливают злободневность этнонациональных проблем и в наши дни.

Население России представляет собой как компактно, так и дисперсно расселенные этносы, национальное большинство и национальное меньшинство. Понятие «национальное меньшинство» широко использовалось в 1920-е гг.[2] В разные периоды советской истории содержание данного понятия и отношение к данной категории населения было различно. Сложились и определенные стереотипы, когда, например, все нерусское население считалось национальными меньшинствами. Сегодня в стране сохраняется традиция негативного восприятия категории «нацмен». В законодательстве 1990-х гг. имела место попытка использовать понятие «этническая общность»[3], хотя оно является более емким по содержанию, то есть включает и национальное меньшинство, и национальное большинство.

Вместе с тем в научной литературе и программных документах последних лет появилась большая определенность в определении данной дефиниции. Под национальными меньшинствами понимается «форма этнической общности, образовавшаяся при отрыве части или группы от того или иного народа в результате изменения границ, миграции или насильственного переселения»[4]. Это — часть народа, проживающая за пределами его национально-государственного или национально-территориального образования, в инонациональной среде и сохранившая национальное самосознание, язык, культуру, традиции и другие этнические особенности этого народа. К национальным меньшинствам также относятся лица, принадлежащие к народам, не имеющим своих национально-государственных или национально-территориальных образований, как в составе РФ, так и за ее пределами. Возникновение национальных меньшинств — закономерный процесс[5]. В международной практике широко используется понятие «меньшинства» (например в рамочной Конвенции Совета Европы о защите прав национальных меньшинств): это все численно не доминирующие в государстве группы, для которых международно-правовыми документами предусматриваются разнообразные права. Однако они не идут дальше культурно-образовательных и антидискриминационных[6].

Можно констатировать, что на современном этапе развития этнонациональных отношений проблема меньшинств вновь заняла важное место в политике. На примере положения русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья в частности видно, что вопрос о правах национальных меньшинств выступает как общий вопрос о правах человека. Разработка и осуществление национальной политики в новых исторических условиях требует как переосмысления и корректировки некоторых научно-теоретических положений, так и переоценки практики решения этнических проблем. Позитивным и актуальным представляется изменение отношения к культурно-национальной автономии как варианту решения этнонационального вопроса для дисперсно расселенных этносов, как способу проживания разных народов на одной территории в условиях все более активной миграции населения.

Концепция автономии была сформулирована в Австро-Венгрии в конце XIX в. (Л. Кошут, словенские национальные деятели А. Эйнштиллер и Матш Маяр Зильский, затем видный национальный деятель закарпатских русинов А.И. Добрянский, лидер старочехов Ф. Ригер, Ф. Подгорник). В 1898 г. статья «Национализм и социализм в Австрии» Кристана дала первую развернутую программу культурно-национальной автономии социал-демократов Австрии. В ней подчеркивалось, что национальный вопрос нельзя связывать с территорией. В Австрии мало мест, где живет только один народ, а новейшие условия жизни стимулируют дальнейшее смешение различных народов. Автономны должны быть народы, а не территории. Второй параграф программы гласил: «Каждая живущая в Австрии нация, невзирая на территорию, на которой живут ее члены, является автономной единицей, которая регулирует и решает все свои национальные (языковые и культурные) дела полностью самостоятельно»[7].

Несколько позднее К. Реннер выступил со своим вариантом программы культурно-национальной автономии. Его идеи во многом совпадали с предложениями Кристана. Однако Реннер был поборником смешанного территориально-культурно-национального принципа, а Кристан чисто культурно-национального. В целом программа развития национальной культуры в многонациональном обществе, выдвинутая в наиболее законченном виде Кристаном, Реннером, а также О. Бауэром, обосновывает необходимость создания учреждений, обеспечивающих свободу национального развития, прежде всего, образования. Представитель определенной (любой) нации, независимо от места проживания (отсюда название «экстерриториальной автономии») входит в единый государственно-признанный союз, который ведает национально-культурными делами, главное из которых — школьное дело. Образование по национальному признаку «изымается из ведения» государств.

Программа культурно-национальной автономии имела хождение среди социал-демократов Австро-Венгрии до начала I Мировой войны. В России ее разделяли представители партии эсеров, Польской социалистической партии, еврейской социалистической рабочей партии (СЕРП), грузинской партии социалистов-федералистов, Белорусской громады, Армянской партии Дашнакцутюн, Латышского социал-демократического союза и БУНД (Всероссийский еврейский рабочий союз в Литве, Польше, России). Ее поддерживали депутаты Государственной Думы А.Ф. Керенский, А.И. Чхеидзе и др. Программа культурно-национальной автономии ставила целью объединение разрозненных групп каждой нации в многонациональном обществе для свободного культурного развития и защиты от государственной дискриминации.

Решительным противником этой программы был В.И. Ленин. Он считал лозунг культурно-национальной автономии утопией, проявлением буржуазного национализма, соединяющего пролетариат и буржуазию одной нации и разъединяющего пролетариат разных наций[8]. Критика В.И. Ленина, а затем И.В. Сталина предопределила отрицательное отношение советских обществоведов к данной теории. Они уделили недостаточно внимания к изучению первой попытки применить на практике автономию, имевшую место на Украине в 1918 г.[9], а также к опыту широкого применения данного типа автономии во многих странах мира. Интерес к культурно-национальной автономии закономерно появился на этапе перестройки в связи с обо-

стрением этнических проблем. В республиках Советского Союза, а затем в государствах СНГ стали возникать и успешно функционировать культурно-национальные общества и объединения, цель которых — возрождение этнокультуры, языка, традиций.

С 1996 г. в Российской Федерации существует официальная концепция государственной национальной политики, разработанная Министерством регионального развития РФ и Комитетом Государственной Думы РФ по делам национальностей. В ней подчеркивается важность экстерриториальной автономии, субъектом которой могут быть любые народы и этнокультурные общины независимо от территории расселения. Экстерриториальная автономия как форма самоопределения предполагает, прежде всего, право на отправление разнообразных запросов граждан, которые возникают на основе их этнокультурной принадлежности и самосознания. Концепция трактует национально-культурную автономию широко. Предусматривается (помимо образовательно-культурной деятельности любого уровня) право на особые формы политического представительства и законодательную инициативу. В чем-то эта форма самоопределения даже перспективнее и мощнее территориальной[10].

Следует также отметить, что в данной концепции также крайне ограниченно используется понятие «меньшинства», хотя оно соответствует международному словарю. Среди претендентов на статус «меньшинства» остаются главным образом представители диаспор крупных народов, а также дисперсно расселенные народы.

В соответствии с концепцией государственной национальной политики в 1996 г. был принят закон «О национально-культурной автономии». Он совместно с множеством соответствующих федеральных и региональных законов обеспечивает права меньшинств в области образования, культуры, СМИ и языка. Закон «О национально-культурной автономии» стал правовой основой для создания на территории РФ национально-культурных автономий. Например, в Свердловской области были образованы Еврейская и Немецкая национально-культурные автономии. На Урале, где исторически сложился один из самых развитых полиэтнических и поликонфессиональных регионов России, накоплен в целом положительный опыт решения проблем дисперсно расселенных этносов[11].

В целом перенесение в современной этнополитике акцента с национально-территорального (что отличало советский этап национального строительства) на этнокультурный принцип организации общественной жизни себя оправдывает. Подход России к культурной автономии предоставляет этническим меньшинствам возможности отстоять свою идентичность и культуру, а также определяет роль государства. Однако существуют и проблемы. В настоящее время стандарты прав меньшинств во многом развиваются, следует еще совершенствовать законодательную базу и оперативную работу. Подход к культурной автономии стоит и дальше развивать. Он очень актуален, поскольку схожие законы появляются в Европе[12].

Примечания

[1] Понятие «национальный вопрос» унаследовано из политической фразеологии советских времен. До сих пор широко распространено смешение понятий этнического и национального. Мы разделяем мнение, что современные межэтнические отношения создают новую этнополитическую ситуацию, для описания которой не подходит устаревший категориальный аппарат. Этническая политика — это деятельность государства в сфере отношений между различными народами, проживающими в данном государстве, направленная на установление и укрепление социально-экономического, политического и культурного сотрудничества народов, содействие

удовлетворению их потребностей и реализации интересов, предотвращение и разрешение этнических противоречий и конфликтов, преодоление этнической нетерпимости и препятствование разжиганию этнической розни. Этническая политика — одно из направлений внутренней политики. Этническая политика может проводиться властью как на уровне Федерации, так и на уровне субъектов Федерации. Национальная политика — это внешнеполитическая деятельность, это деятельность государства в сфере межгосударственных отношений, направленная на защиту национальных, то есть общегосударственных интересов, выгодное позиционирование государства на международной арене, осуществление взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами (см.: Фадеичева М.А. Человек в этнополитике. Екатеринбург, 2003; Государственная национальная политика: проблемы и перспективы. Екатеринбург, 2005. С. 71–72).

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 2. М., 1970. С. 254; Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40.

[3] Закон РФ « О национально-культурной автономии» // Российская газета. 1996. 25 июня.

[4] Национальные отношения: Словарь / Под ред. В.Л. Калашникова. М., 1997. С. 112

[5] Калинина К.В. Национальные меньшинства в России. Программа «Модель демократии для России». М., 1993. С. 16.

[6] Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 43.

[7] Чуркина И.В. Программы культурно-национальной автономии: создание и варианты // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 75–77.

[8] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 209; Т. 24. С. 135, 313.

[9] Симоненко Р.Г. Национально-культуная автономия на Украине в 1917–1918 годах // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 50–63.

[10] Тишков В.А. Указ. соч. С. 42.

[11] См.: Мосунова Т.Г., Полозкова Ю.А. Опыт Свердловской области в решении национальных проблем // Образование на Урале и современные проблемы подготовки учителя истории: Материалы Уральских историко-педагогических чт. Екатеринбург, 1997. С. 44–45; Государственная национальная политика: проблемы и перспективы: Междунар. конф. Екатеринбург, 2005.

[12] Город Н. Сравнение рамочной конвенции Совета Европы о защите прав национальных меньшинств с федеральным законом РФ «О национально-культурной автономии»// Государственная национальная политика: проблемы и перспективы. С. 86.

В.П. Мотревич
(Екатеринбург)

ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР: СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ФЕВРАЛЬ 1946 г.

Одержанная Советским Союзом Победа в Великой Отечественной войне имела огромные и противоречивые, по своей сути, последствия для советского общества. Для большинства населения она стала убедительным доказательством крепости существующего политического строя, сложившегося в стране после октября 1917 г. Культ «великого вождя всех народов, всего прогрессивного человечества» И.В. Сталина в первые послевоенные годы достиг крайних пределов. После окончания войны в СССР были произведены изменения в государственном аппарате, обусловленные необходимостью восстановления народного хозяйства страны и внешнеполитической обстановкой. Большое значение для послевоенного развития государства имело и улучшение деятельности советов, которые в условиях военного времени были фактически отстранены от реальных рычагов управления.

В годы войны выборы в советы не проводились. После ее окончания в феврале 1946 г. были проведены выборы в Верховный Совет СССР, а через год — выборы в верховные советы союзных и автономных республик. В связи с предстоящими выборами в высший орган государственной власти — Верховный Совет СССР, которые были назначены на 10 февраля 1946 г., ЦК ВКП(б) опубликовал обращение «Ко всем